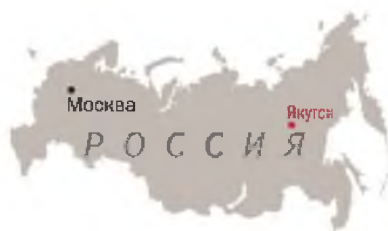

Писаница «Лосиное семейство» на скалистом берегу реки Лены напротив острова Тойон-Ары в Республике Саха (Якутия) более 3 тысяч лет выдерживает и снега, и морозы, и жару.

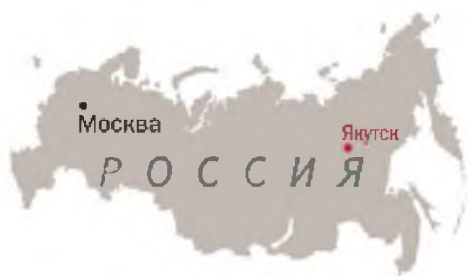

Лосиная Троица Когда в Музее археологии и этнографии Северо-Восточного государственного университета в Якутске открывали новую экспозицию, экскурсовода чуть не побила 80-летняя уроженка села Улахаан-Ан. «Вы нашу священную скалу увезли! За деньги показывать будете!» – причитала она. На стенде, действительно, стоял признанный шедевр древнего искусства – писаница с изображением лосиной семьи. Правда, не оригинал, а мастерски сделанная копия.

Археологам пришлось непросто: наскальные рисунки располагаются в нескольких метрах выше бечевника, на отвесном берегу реки Лены. Кроме трех лосей – самца, самки и умирающего пронзенного копьем лосенка есть на скале и более древние рисунки (4–5,5 тысячи лет), и поздние фигурки (1,5–2,5 тысячи лет). Древнейшие из них были открыты в 2001 году экспедицией Николая Кочмара.

Ученых особенно привлекает центральная композиция, выполненная по высшим канонам живописи с соблюдением гармонии пропорций. Простой на первый взгляд сюжет толковать можно по-разному. Например, если лось символизирует зиму (семь полос на его шкуре – семимесячная якутская зима), лосиха – лето, то на писанице показан круговорот природы, и лосенок – это постоянно нарождающийся и умирающий мир. «Мы с археологами Анатолием Алексеевым и Николаем Кочмаром недавно предложили новую трактовку этого сюжета, – говорит ведущий методист музея Александр Пеньков. – Именно самец, отец, всегда первым заступает за ребенка. Это и этологи скажут. Вероятно, лосиное семейство – одно из первых свидетельств зарождения этических представлений в человеческом обществе».

Как и тысячи лет назад в расщелинах у подножия священной писаницы, а теперь и у ее музейной копии, люди оставляют нехитрые подношения – еду, монетки, цветные лоскутки. *Андрей Журавлев*

Палеонтологи указывают на сходство, даже генетическое, якутской лошади (вверху) с ленской, современницей мамонта; историки считают, что лошадей на Север из степей Прибайкалья привели предки якутов. Справа: деревянная лошадка-оберег.

Полюс лошади Когда у черного быка вырастает первый рог, в тайгу приходят морозы. Когда черный бык становится двурогим, наступает настоящая зима...

ТЕКСТ: АНДРЕЙ ЖУРАВЛЕВ ФОТОГРАФИИ: АНДРЕЙ КАМЕНЕВ

Тайга пустеет. Птицы улетают на «обратную сторону» Земли, где, как и положено, все происходит наоборот и

наступает весна. Другие таежные обитатели, кто тяжел на подъем, подобно медведям, или мелок и бескрыл, вроде бурундуков и сурков, впадают в долгий зимний сон. Бодрствуют лишь те, кто сделал припасы на снежное время, – полевки-экономки, пищухи, белки, да еще хищники – волки, лисы, соболя. Копытные довольствуются пищей, на которую в иное время и не взглянули бы: лишайники, кора, хвоя, ветки.

Лишь одно животное продолжает пощипывать травку. Зимой, в тайге, в заполярной и приполярной мгле, у самого полюса холода. Это удивительное создание – якутская лошадь.

Лошадь? Как-то не вяжется такой образ жизни со всей ее историей, разворачивавшейся, исключая самое ее начало, на просторах прерий и саванн. Да и современные лошади, как одомашненные, так и дикие, обжили степи и другие травянистые ландшафты. Можно сказать, что степь вскормила лошадь – однопалую, длинноногую, с гибкой шеей и мощными «лошадиными» зубами. А лошадь вырастила степь с ее разнотравьем, будучи своеобразным гибридом газонокосилки и машины по внесению удобрений.

А смогли бы люди без лошади заселить бесконечную якутскую тайгу? Допустим, сплавиться на байдарках, стругах и шлюпах еще можно было, благо рек в Сибири – как автобанов в Германии. Поставить балаган или острог – леса тоже хватало. А как дальше жить? Пахать, охотиться, налаживать сообщение с другими поселениями, особенно долгой, отнюдь не календарной, зимой? Корова, конечно, хорошо – молоко дает, мясо. Правда, на таежных микролугах и коровья порода измельчала до подходящего масштаба, превратившись в нечто вроде собачки с рогами. Да и в лес выпустить подобное существо на вольный выпас рука не поднимется: его не только первый встречный волк – соболь съест.

То ли дело – сылгы (якутская лошадь)! Из ее лохматой шкуры все что угодно пошить можно – от сары (непромокаемых высоких сапог), необходимых в болотно-озерно-речной стране, до теплых циновок и полозьев для быстрых лыж. Длинный и крепкий конский волос – это почти готовые сеть и невод, силки и тетива для лука, аркан и легкие прочные волосяные мешки, даже женские украшения и шляпки. Если надо, и валенки катать, и ткать из лошадиной шерсти можно: она ничуть не уступает овечьей. Из копыт когда-то делали пластины для доспеха. А еще сылгы – это кумыс и удивительно питательное и полезное мясо, включая все внутренности – от

Лошадь по-прежнему служит незаменимым видом транспорта в условиях якутской зимы, а зима здесь длится семь месяцев.

языка до прямой кишки. Якутскую лошадь даже называют «аптекой на копытах»: ее мясо богато ненасыщенными жирными кислотами, которые и холестерин действительно выводят, и при анемии, туберкулезе, склерозе спасают. И пахать на ней можно, и охотиться (с лошадью до дюжины соболей за день добыть удастся, без нее – от силы четыре). В одном животном – целая цивилизация!

Потому и посвятили ей главный якутский праздник – Ысыах. В этот день к резной коновязи – своеобразному алтарю – выносят сири-исить – мех, сшитый из сыромятной, продымленной лошадиной шкуры. Из меха черпают кумыс – напиток светлых богов Неба. Так поступали устроитель Ысыаха – божественный первопредок Эллей и его сын белый шаман Лабынха Суурук. Он поднимал чашу с кумысом и хайахом (кислым маслом) в честь каждого божества и кропил кумыс ложкой, обвязанной белым конским волосом. «Ради кумыса старых кобылиц давайте соединимся, не исключая и девиц!» – записал песнь-молитву исследователь Сибири Александр Миддендорф полтора столетия назад. И все это для того, чтобы «оживился двор, вытянулась веревка, и привязалось... много жеребят...»

Жеребята рождаются в мае, когда снег в этих краях еще не сошел.

Кобылицы поднимают новорожденного и подпирают его, чтобы он не простыл на мерзлой земле. Скоро он и сам научится держаться на тонких ножках и спать, пока не потеплеет, стоя, как все якутские лошади. Молодняк быстро набирает вес: за полгода до 200 килограммов – половина взрослой лошади. Осенью вольная жизнь на короткое время заканчивается – на отлов выезжают коневоды, вооруженные длинными палками с петлей.

Еще попробуй лошадь поймать! Ведь она – животное территориальное: постоянный участок одного косяка (небольшого табуна из вожака, семи-девяти кобылиц и жеребят) занимает от 25 до 30 квадратных километров. «Когда приходит время отделять жеребят, ищем косяки по следам. Если следы замело, приходится иногда по десять дней разыскивать», – говорит коневод Григорий Охлопков с базы «Дайар-1» в Хомустахском наслеге (районе) Намского улуса.

Мороз якутской лошади не страшен, хищник тоже. Гривастый, длиннохвостый вожак и за себя, и за свой косяк постоит. Не каждый матерый волк с ним в схватку вступить решится. А молодой, неопытный, бывало, получит копытом в широкий лоб и больше не полезет, если, конечно, вообще жив останется. Только стаей изголодавшие к концу зимы волки нападают на лесных лошадей. И то обычный годовой урон от серых хищников не превышает четырех кобыл на

80 голов – таково хозяйство одного коневода.

Между собой жеребцы бьются жестоко: на кону целый косяк! Впиваются друг в друга зубами до крови; летят куски шкуры. Кобылицы, которые смиренные, уходят с победителем. А те, что с норовом, могут и с побежденным вожаком остаться, и к третьему уйти. Правда, и жеребцы попадают разные: иной такую приبلудницу гонит, словно соперника...

Вереница мохнатых лошадок

протискивается сквозь непролазные переплетения заснеженного тальника (ивовый кустарник), отыскивает подходящую прогалину – летом здесь было озеро, болото или алас (сугубо якутское явление – результат лесного пожара на вечной мерзлоте). Косяк выстраивается головами к тальнику, крупами – к открытому месту и начинает мерно... пощипывать травку. Лошадь кромкой переднего копыта разбивает наст до самой земли и подгребает снег под себя: под снегом сохранились стебли осоки, других диких злаков. Вот и корм. Осенью на такой диете лошадь отъедается лучше, чем летом, когда на тайгу обрушиваются мириады мошки, мокрецов и оводов. В Якутии существует легенда, вполне правдоподобная, что лошади сами пришли к человеку, спаса-

Породистая якутская лошадь – приземистая (рост 134–138 сантиметров в холке), широкогрудая; на зиму обрастает шерстью от 7 до 15 сантиметров длиной.

ясь в дыму костров от кусачих тварей. Для питья зимой лошади годится и снег: набрать его немножко в рот губами, подождать пока растает и проглотить. Если попадается неглубокая полынья или наледь, можно воды и впрок напиться: осторожно, через губу, очень мелкими глотками лошадь выцеживает ледяную влагу. Затем греет ее за зубами и медленно проглатывает. И так много-много раз.

В XVIII веке лошадиных пород в Якутии стало больше: для создания 35 почтовых станций Иркутско-Якутского тракта в 1772–1773 годах по указу императрицы Екатерины II из центральных губерний России сюда с лошадьми были направлены 33 крестьянские семьи. По сути, сосланы на 25 лет: их отбирали из крепостных, ослушавшихся своих господ. Покидать станции им не позволялось. До сих пор по левому берегу Лены стоят крепкие избы и баньки государевых ямщиков. Тоже памятники лошадиной цивилизации: без лошадиной почты 2731-верстная (2895 километров) транспортная артерия никогда не ожила бы. Почта ходила строго по расписанию,

NATIONAL GEOGRAPHIC РОССИЯ

при поддержке компании ФОТОПРОЕКТ (www.fotoproekt.ru)

Кирилл Самурский

Александр Сорин

Андрей Каменев

РЕКЛАМА

«National Geographic Россия» объявляет об открытии ФОТОШКОЛЫ

Занятия будут вести признанные мастера фотографии и постоянные авторы издания.

Наши мастерклассы для тех, кто хочет:

- сделать фотографию своим ремеслом и зарабатывать деньги
- стать фотохудожником и провести собственную выставку
- удивлять друзей и близких своими фотороботами нового уровня

Узнать подробнее о программе мастер-классов и записаться на ближайшее занятие можно здесь:

ФОТО
проект

www.national-geographic.ru/ngm/school

даже 5 февраля 1891 года, когда столбик термометра в Якутске не просто упал, а выпал, за отсутствием отметки $-64,5^{\circ}\text{C}$, почтовый возок отбыл в положенный час. «Какое развлечение на таком длинном переезде? – вспоминал писатель Иван Гончаров, возвращавшийся в 1854 году через эти места после кругосветки на фрегате “Паллада”. – Приедешь на станцию: “Скорей, скорей, дай кусочек вина и кружок щей”. Все это заморожено и везется в твердом виде». Даже летом кушанья подавались так же, ведь хранились в амбарчиках-ледниках, установленных на выходах вечной мерзлоты. «Вот этот срублен моими предками 150 лет назад, – говорит потомок ямщицкой фамилии Добрянцевых Анатолий, первый заместитель министра охраны природы Республики Саха (Якутия), показывая на замшелый сруб из лиственничных бревен на пригорке у бывшей станции Жура. – До сих пор работает».

...Когда у черного быка отпадает первый рог, начинает светать. Когда черный бык теряет второй рог, наступает весна. А затем черного быка изгоняет белая лошадь, и приходит лето. □

В Якутии разводят пять типов лошадей: центральный, вилюйский, мегежекский, верхоянский и колымский, а их общее поголовье приближается к 160 тысячам. Потому профессия коневода здесь весьма востребована, хотя легкой ее не назовешь.